

новится более радикальным, вплоть до экстремистского. Таким образом, сама дискриминация порождает фундаменталистские настроения в среде иммигрантов.

Причины всего этого, безусловно, кроются в культивировании определенного образа врага практически всеми СМИ, которые, создавая миф о мусульманской угрозе, делают «исламизацию мира» одной из основных социально-политических фобий современности. Поддаваясь ажиотажу, население Европы и России со страхом видит в каждом выходце с Ближнего Востока, Кавказа или Центральной Азии потенциального террориста и преступника.

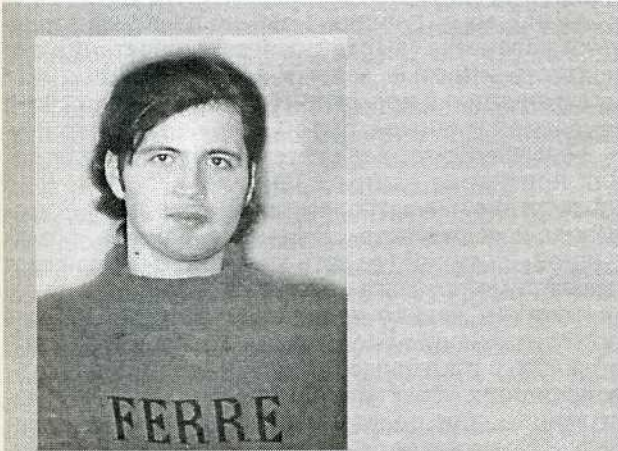
Несомненно, что, борясь с терроризмом, мировое сообщество и мировые организации не должны забывать о том, что кризисное психологическое состояние общества является причиной соци-

ально-экономических и политических изменений, а не только следствием мирового терроризма, а значит искоренение фобий и интолерантности как таковой в массовом сознании является первоочередной задачей гражданского общества.

Одним из основных вопросов при этом является определение средств и методов борьбы с интолерантностью. Прежде всего это, конечно, информационно-просветительская деятельность как самого государства, так и неправительственных организаций. Следует при этом отметить, что государство, будучи институтом охраны общественной безопасности, должно так или иначе воздействовать на СМИ с целью контроля количества и качества передаваемой ими информации, с тем, чтобы исключить намеренное нагнетание отдельными СМИ атмосферы страха и боязни террора, которая неизбежно катализирует интолерантность.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ БЕЗРАЗЛИЧИЯ ПРОТИВ ТОЛЕРАНТНОСТИ СОПЕРЕЖИВАНИЯ: ПРОБЛЕМА СОДЕРЖАНИЯ ОПЫТА МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

В.В. Хурбатов

Хурбатов Виктор Викторович — магистрант факультета политологии и социологии Уральского государственного университета

В данной статье я постараюсь продемонстрировать слабость идеи толерантности для современной России. Эта слабость, на мой взгляд, имеет двоякую основу: недостатки самой концепции толерантности и исчерпанность этой концепции для нашей страны.

Предпосылкой анализа может послужить идея нелинейной модернизации: на мой взгляд, модернизация не может пониматься только как магистральное направление, общее для всех стран в одинаковой степени; более того, развитие обычно происходит в деталях, незамечаемых из-за общей схе-

мы модернизации. Это означает, что некоторые уроки, ценности, пути «отсталых» стран, недопнятые мировым сообществом, «передовым» странам еще предстоит пройти.

По всей видимости, толерантность в ее обычном понимании является продуктом соединения западноевропейского гуманизма и связанных с ним идей свободы и равенства. Анализируя влияние трех этих концептов на идею толерантности, можно прийти к выводу, что западноевропейский гуманизм, страдая некоторой искусственностью, определил излишне «абстрактный» характер идеи толерантности. Дело в том, что гуманизм, порожденный пониманием человека и мира как субъекта и объекта, всегда предлагал абстрактное уважение и абстрактную любовь к человеку вообще, как к универсальной модели, а не к конкретной личности. Подобного рода рационализация, замена «живые» чувства (такие, как ксенофобия) искусственными (навязанными извне, моральными) и вызывая внутренний диссонанс в индивиде, привела к тому, что в демократиях Запада модернизация ценностей сделала возможным появление толерантности безразличия.

Толерантность безразличия, в отличие от толерантности сопереживания, которая действует в однородных, целостных обществах, изменяет качество общественного и политического процесса в направлении снижения капитала доверия. Будучи повсеместно распространенной, толерантность безразличия на простом языке лучше всего определяется формулой «я тебя не трогаю, и ты меня не трогай».

Идея толерантности, понимаемая как заведомое признание равного права индивидов на свободное

самоопределение действий и чувств, требует также анализа влияния на этот концепт идеи свободы и равенства.

Идея свободы, оказав решающее воздействие на понятие толерантности, сформировала при этом ряд трудноразрешимых проблем, которые стали следствием противоречивости понятия свободы. Противоречивость этой идеи (которая сама по себе не является признаком её слабости) проявляется в следующем: свобода индивида в Новое время сочетается с невиданным ранее государственным суверенитетом; она обосновывается объективными законами природы (Локк), истории (Маркс); вообще, свобода почти всегда подразумевает мягкий конформизм (ограниченность ответственностью, моралью, законом). Между тем, подразумеваемая часть понятия свободы («мягкий конформизм»), которая является частью контекста действия этой идеи (а именно контекста западной культуры), далеко не всегда принималась при переносе этой идеи в другой контекст, другую культуру.

Такая противоречивость и неоднозначность идеи свободы не могла не сказаться на смежном с ней концепте толерантности. Влияние мягкого конформизма проявилось в двусмысленности, точнее, в двоемыслии идеи толерантности: толерантность превратилась в формализованный феномен, в некую норму приличия, далеко не всегда подкрепленную неформальными структурами общественного сознания, а иногда и вступающую в противоречие с ними. Обычно примеры нетолерантного поведения понимаются как пережитки прошлого, отсталость, но такое толкование объясняет слишком мало: борьба формальных и неформальных структур массового и индивидуального сознания слишком очевидна и её влияние слишком велико (в том числе и в странах Запада), чтобы просто отбросить её как признак отсталости общества.

Реализация свободы всегда наталкивается на эпистемиологическую проблему границ свободы, на вопрос, где начинается и где заканчивается право личности на самоопределение своих действий. В западной традиции решение этой проблемы, обычно, переносит толерантность безразличия в правовое поле, но не решает проблему двоемыслия: формализованное право продолжает раскалывать личность, толерантность безразличия обретает формальные границы свободы, но не становится менее безразличной, толерантность, созданная как средство предотвращения конфликтов, становится механизмом нивелирования психологии индивидов.

Свобода (и в первую очередь, свобода слова), создав особый вид толерантности, привела к «перформализованности» общества, к его подчинению формализованным практикам Слова, демонстрирующим потерю некоторого качества чувственно-эмоциональной сферы общества, сочувствия, базового для толерантности сопереживания. Слово, став средством коммуникации, разрушило возможности бессловесного понимания, точнее чувственно-эмоционального предпонимания, характерного для традиционных обществ и современных обществ Востока. Мысль (и, соответственно, Слово), изначально являясь (по Хайдеггеру) средством соединения человека и бытия, превратилось в качество субъекта и стало разделять их, вытесняя эмоциональное предпонимание и сопереживание, атрибуты этого соединения. Формализованное Слово, общество стало представлять со-

бой группу людей «шумящих» (термин и идея С.Е. Вершинина), важнейшей чертой которых является «говорение» при печальной потере прочих способов «соединения человека и бытия», обязательных для толерантности сопереживания.

Атомизация общества, характерная для реализации практики свободы, способствует максимизации эффективности практики толерантности безразличия, но разрушает возможность действия толерантности сопереживания. Распад социального капитала (капитала доверия), характерный для толерантности безразличия, при определенных условиях может поставить под угрозу существование институтов демократии. Таким образом, идея свободы, создавая основы идеи толерантности, может привести к разрушению легитимности, как этой идеи, так и демократических институтов вообще.

Идея равенства, проявляясь в толерантности в виде презумпции заведомо равного отношения к интересам (термин Р. Даля), всегда создавала разрыв между реальностью неравенства и нереальностью равенства, между дескриптивными и нормативными элементами. Равно присущая ценность каждого индивида должна повлечь за собой равные права и возможности, но это «повлечь» слишком часто означает навязывание логики равенства в противоречие с действующими логиками: так, введение принципа равенства наций в СССР было подорвано действием бытового национализма. Аналогично, введение в современных странах Запада практики политкорректности соседствует, зачастую, с латентным расизмом. В обоих случаях действующие логики (которые обычно объясняют как природную ксенофобию) были просто вытеснены на второй план и в полной мере проявились в кризисных ситуациях. Именно навязывание логики равенства (выравнивание) в сочетании с её искусственностью ведут к её девальвации, к её превращению в норму приличия, расходящейся с «реальной жизнью», бытом.

Толерантность, как субъект-субъектная логика, как признание одним индивидом права другого на действие и чувство, всегда внутренне противоречила идее равенства. Равенство, являясь «объективной» логикой (то есть логикой, считающейся независимой от воли субъекта), представляясь его теоретикам чем-то изначально данным и лишь потом измененным и ухудшенным, постоянно сталкивалось с противодействием индивидов, противоречивших объективности равенства и реализовавших или подразумевавших идею неравенства. «Объективное равенство», наткнувшись на стремление индивидов к рассмотрению чужой позиции как заведомо менее выгодной для себя, чем собственной, вело к созданию институтов, вводящих в действие объективные практики равенства (такие как право, мораль, толерантность). Разрыв между субъективностью и объективностью, существующий в теории субъекта и объекта, таким образом, ярко проявился и на практике.

Следовательно, толерантность, как её понимают современные демократические теоретики, означает только особый тип толерантности, сформированный субъект-объектной логикой и построенными на нём гуманизме, свободе и равенстве. Этот тип характеризуется искусственностью (как следствием навязывания в противоречие с другими действующими логиками), атомизацией общества, низкой эмоциональной составляющей,

спаду капитала доверия, и вообще, в полной мере реализуется только среди граждан западных стран.

* * *

Обычно статьи, посвященные толерантности, преподносят её как нечто принципиально новое для российского социального опыта и в значительной степени необходимое для нашей страны. Между тем, анализ сравнительно недавнего прошлого демонстрирует, что это далеко от истины.

Большую часть советской эпохи (по крайней мере, со времен Хрущева) советская власть именно тем и занималась, что пыталась воспитывать уважение к личности, свидетельством чему является национальная политика времен застоя, рассчитанная на «мягкое» сглаживание национальных противоречий путем формирования уважительного отношения к представителям других национальностей (национализм, как бы «выносился за скобки» при формировании «советского народа»). Важно при этом то, что такое отношение было сформировано: в СССР национализм, хоть и существовал, всегда оставался бытовым, то есть не переходил «рамки приличия» морали толерантности безразличия. Между тем, в вопросе толерантности в СССР есть ряд очень важных моментов.

Исторически отношения большевиков с толерантностью складывались, прямо скажем, неоднозначно: появившись как партия агрессии, превратив советское общество в общество подозрения и нетерпимости, в 70-х гг. КПСС пришла к формированию общества стабильной и осторожной толерантности; причем, застойную толерантность можно охарактеризовать и как толерантность безразличия, основанную на формировании атомизированного общества действующих целерационально индивидов, и как толерантность усталости, т.е., готовность терпеть «другого», потому что нет сил ненавидеть (мобилизационный характер советского подозрения и советской ненависти, видимо, не мог воспроизводиться постоянно), и как толерантность сопереживания, сформированного православной культурой и советской пропагандой.

Большевистский социальный проект, при всем его формальном гуманизме, будучи изначально ориентирован скорее на общество, чем на гражданина, задавал необходимость формирования толерантности как общесистемное требование. Это привело к тому, что толерантность (при обилии «врагов народа» и «агентов империализма») являлась, скорее уступкой, которую индивид давал общесистемным требованиям, она становилась «моралью-извне», следствием подчинения доминирующим дискурсам, что содержательно совпадало с тем, что происходило и происходит в странах Запада.

Что касается отношения большевизма (как в его поздней, так и на ранних стадиях) с субъект-объектной парадигмой, основой толерантности безразличия, то, очевидно, что марксизм построен в русле этой парадигмы, он воспринимает общество как объект, а индивида как субъект, так, например, он выдвигает «объективные законы», ведущие (или неведущие) к свободе субъекта, поэтому теоретический, формальный пласт советской культуры был выстроен из материалов субъект-объектной парадигмой. Однако архаичные слои этой культуры отличались синкретичным, целостным пониманием мира, то есть приверженностью к онтологической парадигме: идея коренного преобразования потому и была чужда крестьянству, потому

что она означала разрушение мира; мир-объект можно реформировать, мир-жизнь можно только прожить (это «прожить» может означать весь набор человеческих чувств и мыслей); пассивность русского крестьянства и российского народа в целом, которую обычно объясняют «подданнической культурой», «недоразвитостью» и т.д., с этой позиции может быть объяснена как другое проживание мира (это даже не восприятие мира, не мирозерцание, не мировоззрение — все эти термины суть производные субъект-объектной парадигмы). Для толерантности это означало, во-первых, очаговый характер распространения толерантности: западное и городское население больше разделяло толерантность безразличия, а восточное и деревенское — сопереживания. То есть, в городах, где, вследствие урбанизации наблюдалось наибольшее разрушение сообществ, произошла наибольшая потеря капитала доверия. Во-вторых, частично формализованная субъект-объектной парадигмой советская культура создавала возможность резких переходов от толерантности сопереживания к нетолерантности и агрессии.

Таким образом, в советской политической культуре существовала ярко выраженная практика толерантности, внутри же неё происходил конфликт между толерантностью безразличия и толерантностью сопереживания.

Сегодня на повестке дня при решении проблемы толерантности для государственно-политического управления стоят следующие задачи:

1) Выбор между двумя основными видами толерантности как одной из целей развития общества или отказ от них:

а) с одной стороны, толерантность безразличия — это эффективное средство совместного проживания разных социальных групп в гетерогенных обществах, с другой — эта толерантность есть либо «внешняя» мораль, конфликтующая с архетипами, либо проявление поведения атомизированных, склонных к целерациональному действию субъектов: в обоих случаях развитие этого вида толерантности несет в себе потенциальные издержки в виде «расщепления» общественного сознания или снижения целостности общества соответственно;

б) толерантность сопереживания, в свою очередь, формирует целостный социум через усиление эмоциональных связей, но с трудом переносится с малых групп и сообществ на социальный уровень;

в) отказ от идеи толерантности может нести в себе как позитивные, так и негативные черты: простой отказ, видимо приведет к кризису социальности, а вот попытка замены идеи толерантности другим концептом может быть весьма эффективной при прочих благоприятных обстоятельствах.

2) Разработка стратегии и тактики достижения толерантности в обществе; видимо здесь существуют следующие варианты:

а) сохранение существующего положения, когда толерантность проявляется в общественном сознании как толерантность сопереживания в «узком» кругу и как толерантность безразличия вовне; средствами политики при этом может стать предотвращение этнических конфликтов (как на макро-, так и на микроуровне), ужесточение миграционной политики, низкий уровень содействия обществам;

б) развитие толерантности безразличия, что мо-

жет укрепить федерализм и отношения с иммигрантами: механизмами при этом могут послужить распространение субъект-объектных практик, ценностей гражданского общества, рынка и т.д.; ценным средством при этом может стать идеологическое воздействие;

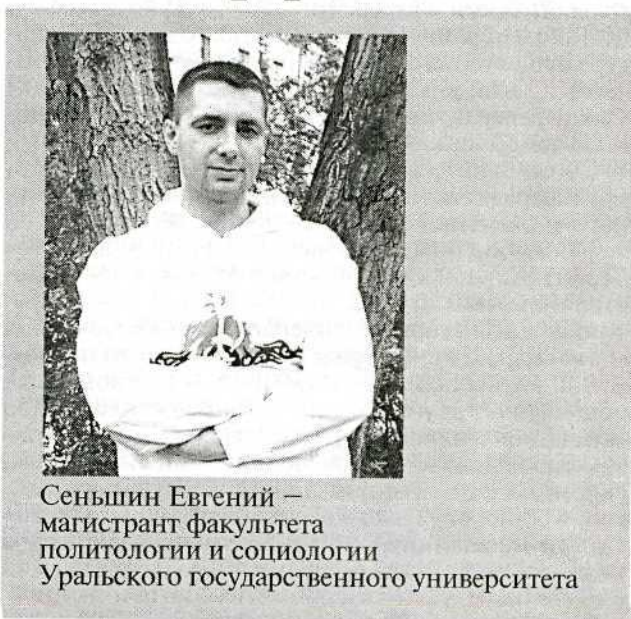
в) развитие толерантности сопереживания, что может быть полезным для наращивания капитала доверия в обществе, укрепления легитимности власти, увеличения эффективности экономики (и роста её социальности), предотвращения межэтнических конфликтов: возможными технологиями достижения этой цели является стимулирование развития сообществ, развитие практик «онтологической» парадигмы;

г) замена концепта толерантности другим, что мало возможно в современных условиях, но, тем не менее, желательно.

Реализация практик толерантности имеет серьезное политическое и идеологическое значение для современной России: достижение эффективности какой-либо из этих практик создает реальные возможности для интеграции социума, улучшения качества политической самоидентификации, появления условий для успешного социального творчества, в том числе и идеологического, решения проблем федерализма и регионализма, усиления легитимности власти и т.д. Проблема в том, что это, видимо, очередная статья, предлагающая никому не нужные правильные советы.

РЕВИЗИОНИЗМ МОНДИАЛИЗМА

Е. Сеньшин

Сеньшин Евгений — магистрант факультета политологии и социологии Уральского государственного университета

Понятие «мондиализм» происходит от французского слова *monde* (мир, в смысле земной шар). Различные авторы дают разные определения данному понятию. Основное, что можно выделить во всех определениях — это целостность и однополюсность мира, господство единых ценностей во всем мире и, следовательно, отсутствие многообразия. Любое многообразие в соответствии с данной идеологией предстает как потенциальный толчок к хаосу и беспорядку в мире.

Идея мондиализма в XX веке разрабатывалась в таких организациях, как Совет по международным отношениям, Бильдербергский клуб и Трехсторонняя комиссия. В геополитике к мондиалистам причисляются следующие теоретики: Збигнев Бжезинский, Генри Киссинджер, Френсис Фукуяма, Сэмюэл Хантингтон, Жак Аттали и ряд других теоретиков.

Крушение Советского Союза и превращение России в слабую региональную державу дало повод этим авторам говорить о том, что теперь в мире на длительный период установится господство США и ряда других высоко развитых запад-

ных капиталистических стран, объединенных в одну организацию. Т.е. в мире будет господствовать одно начало.

После ознакомления с данными теориями в адрес «мондиалистов» стала раздаваться критика. Некоторых из них она заставила заявить о том, что их, якобы, неправильно поняли и написать ряд уточняющих статей. Это, в частности, относится к Френсису Фукуяме с его концепцией «постистории», а также — к Сэмюэлю Хантингтону с его концепцией столкновения цивилизаций, в которой присутствует принцип «Запад против всех остальных». Не произошло особых колебаний во взглядах Збигнева Бжезинского и Жака Аттали.

Особо следует остановиться на взглядах Генри Киссинджера. Его последние работы свидетельствуют о том, что он подверг критике идею американского мессианизма в его реализовавшемся виде, а также и саму идею мондиализма. Так что теперь даже можно поставить под вопрос его принадлежность к лагерю мондиалистов. Тем не менее, во многих учебниках по геополитике и международным отношениям его до сих пор относят к данному направлению в геополитике.

Нужно отметить, что ревизия каких-либо идей или взглядов всегда свидетельствует либо об их несоответствии реальности, либо об их пагубности, либо вообще об их кризисе. Поэтому критика мондиализма со стороны самого мондиалиста свидетельствует, хотя бы на теоретическом уровне, о несостоятельности основных принципов этой идеологии.

Говорить о Генри Киссинджере как о мондиалисте не позволяют следующие его идеи. Во-первых, он отвергает идею о том, что религиозные, этнические, национальные и культурные факторы абсолютно потеряли свое значение. По его мнению, после крушения биполярной системы, нации гораздо чаще стали преследовать собственные интересы. Разнообразие интересов и ценностей является серьезным препятствием для мондиализации мира. Более того, однополярный мир, и, следовательно, единый центр управления этим миром в виде какой-либо международной организации (или ряда организаций) невозможен. Невозможен, потому что теперь нет одной сверхдержавы, которая могла бы навязывать свои интересы всем остальным. США теперь только первые